спросил Бальдон Пьхозн. Вместо ответа отвернул тот же бортмеханик:

— Сигналы радиомаяка прекратились несколько часов тому назад.

— Почему же вы не сообщили мне об этом?

На этот раз отвернул молчаливый пилот:

— Мы не приравняли таким пустякам значения.

— Почему? — с прежней торжественностью допрашивал Ланхем.

— Потому что радиомаяк обычно работает ночью и в тумане. Днем и в такую погоду он просто не нужен, — ответил Пьхозн.

— Притом мы получили сообщение, что монтаж радиостанции еще не вполне закончен и поэтому в ее работе возможны перебои, — добавил бортмеханик.

Настуливо грегущее молчание. Рокот моторов кажется злобным. Амфибия кружится, как аист, приметевший в старое гнездо и нашедший вместо знакомого дома голое место.

Ланхем не отвечал. Он пруживал не дышал, следуя за Ланхемом.

Ланхем не отвечал. Он пруживал не дышал, следуя за Ланхемом.

— Почему же вы не сообщили мне об этом?

На этот раз отвернул молчаливый пилот:

— Мы не приравняли таким пустякам значения.

— Почему? — с прежней торжественностью допрашивал Ланхем.

— Потому что радиомаяк обычно работает ночью и в тумане. Днем и в такую погоду он просто не нужен, — ответил Пьхозн.

— Притом мы получили сообщение, что монтаж радиостанции еще не вполне закончен и поэтому в ее работе возможны перебои, — добавил бортмеханик.

Настуливо грегущее молчание. Рокот моторов кажется злобным. Амфибия кружится, как аист, приметевший в старое гнездо и нашедший вместо знакомого дома голое место.

— Нет! — и, шатаясь, пошел в кают-компанию.

«Что за упрямец! Неужто он надеется, что его «острое» выкинет со дна моря?».

— Но почему же нет? — не унимался Бальдон, следуя за Ланхемом.

Ланхем не отвечал. Он пруживал не дышал